

Д. М. Савинов

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

crillon@yandex.ru

НОРМА — УЗУС – СИСТЕМА В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению понятий «норма», «узус» и «система» в русском диалектном языке. В статье показано, что в говорах узус, представляющий собой совокупность реальных употреблений языка, по сути равен норме. Диалектная норма представляет собой единство реализованных возможностей системы и является важным фактором, определяющим целостность территориального диалекта и его системность: тот или иной языковой элемент может быть определен как часть системы только в контексте его узуального применения, с учетом статистики его конкретных употреблений в речи диалектоносителей. Таким образом, при описании диалектных систем на первый план выходит не соотношение «норма — узус» (как в литературном языке), а соотношение «узус (=норма) — система». Определение параметров конкретной частной диалектной системы обязательно предполагает адекватную структурную интерпретацию конкретных речевых фактов, определение внутренней обусловленности и взаимосвязанности всех языковых элементов.

Ключевые слова: норма, узус, система, диалектный язык, вокализм.

1. Соотношение нормы и речевого узуса в русском языке не раз становилось объектом рассмотрения лингвистов. Однако само понятие «норма» трактовалось учеными неоднозначно. Существует узкое и широкое понимание этого термина. Большинство авторов трактуют норму как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Вербицкая 2001: 15]. При таком подходе понятие «норма» обычно неразрывно связано с понятием литературного языка, основным признаком которого является нормированность; именно поэтому многие отечественные лингвисты (Л. А. Вербицкая, К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, Л. И. Скворцов, Е. Н. Ширяев и др.) при определении языковой нормы предпочитают говорить именно о литературном языке, то есть используют этот термин в узком смысле.

Кодификация для литературного языка чрезвычайно важна, потому что, имея, как правило, императивный характер, она обеспечивает большую устойчивость нормы, предотвращает ее стихийное изменение. «Территориальные диалекты, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина» [Крысин 2017: 22].

Однако существует и другой подход к определению термина «норма»: в широком смысле норма — «это стихийно сложившиеся в узусе способы речи, характеризующие данную разновидность языка» [Шмелев 2020: 398]. В этом случае термин «норма» может быть применим и к другим разновидностям национального языка, в частности, к диалектам. Подобный подход к понятию «норма» восходит к идеям Пражского лингвистического кружка [Гавранек 1960].

Таким образом, в диалектных подсистемах национального языка функционируют узуальные нормы: эти «нелитературные» нормы состоят из общепринятых, устоявшихся способов использования местной языковой системы, они не фиксируются письменно и не кодифицируются. В диалектах узус, представляющий собой совокупность реальных употреблений языка, по сути равен норме: «Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины “узус” и “норма” безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов» [Крысин 2017: 22]. В литературном языке *узус* и *норма* в разные периоды времени могут соотноситься по-разному, но обычно полностью никогда не совпадают: узус практически всегда оказывается шире нормы.

Нормы, принятые в конкретной диалектной системе, могут по-разному соотноситься с соответствующим литературным стандартом. Во многих случаях в диалектной речи можно обнаружить такие языковые нормы, которые уже вышли из употребления в системе литературного языка: «Отдельные частные диалектные системы, равно как соотносительные, территориально варьирующиеся элементы их структуры <...>, выстроенные в один ряд, сосуществуя на территории, в то же время представляют собой именно историю языка в ее пространственной проекции» [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 24]. В качестве примеров подобных отличий можно привести сохранение в части диалектных систем особой фонемы /ʔ/, противопоставленной /e/; отсутствие в севернорусских говорах нейтрализации фонем /o/ и /a/ в безударных слогах; наличие в части говоров еканья (эканья), которое исчезло в литературном языке еще в первой половине XX в., и др.

Однако далеко не всегда диалекты «сохраняют устаревшие языковые особенности, характеризующие период, предшествующий созданию литературного общенационального языка» [Вербицкая 2001: 9]. В ряде случаев диалектная норма является инновацией по отношению к соответствующему явлению литературного идиома, сохраняющего более архаическое языковое состояние. Это происходит потому, что диалекты некодифицированы, их развитие не сдерживается рамками правил и предписаний, как в литературном языке. Отсутствие кодификации

диалектных норм определяет их высокую динамичность, способствует реализации в речевом узусе различных потенциальных возможностей языковой системы.

Так, во многих русских акающих говорах наблюдается системное включение в структуру неразличения безударных гласных фонем /у/ и /и/, находящихся в безударных слогах (кроме 1-го предударного) после твердых согласных: *кэкуру́за, сэндук'и́, мэжык'и́, хва́ртэк* (фартук), *за́мэш, отпэск; сэнав'и́а, рэбак'и́, вэсакó, у н'эхтэрэх* (у некоторых), *с кра́снэм'и, вы́рэл* и т. д. [Касаткин 1999: 483–484]. В литературном языке также отмечается качественная редукция фонем /у/ и /и/ в этой позиции [Лихтман 1999; Касаткин 2014: 201–203; Скачедубова 2019], однако редуцированный гласный фиксируется здесь только в отдельных словах, а его появление зависит от определенных сегментных или просодических факторов (положение по отношению к ударению, качество гласного в следующем/предыдущем слоге, сильная/слабая просодическая позиция и др.). В некоторых орфоэпических источниках подобное произношение не признается нормативным: например, Р. И. Аванесов не рекомендует произношение [ъ] на месте /и/ и /у/ типа «[пъл'цы'вó] (*пальцевой* и *пыльцевой*), [бърлвó] (*боровой* и *буровой*), [ф-ста́ръм] и [к-ста́ръм] (*к старым*)» [Аванесов 1984: 59]. Кроме того, сами качественные изменения гласных, реализующих фонемы /и/ и /у/ в безударных слогах, в русском литературном языке «нерегулярны и слабо выражены» [Вербицкая 2001: 73].

В качестве другого примера можно привести процесс унификации типов склонения существительных во мн. ч., который привел «к утрате родовых различий и формированию специфического показателя множественности -а в формах Д. мн., Т. мн. и М. мн., а также отчасти И.-В. мн.» [Шульга 2017: 92]. В современном литературном языке в И.-В. п. существительных муж.р. образование форм на -а достаточно продуктивно: в одних случаях подобные формы прочно закрепились в литературном языке (*адреса́, веера́* и др.); в других случаях форма на -а является вариативной и употребляется преимущественно в разговорной или профессиональной речи (*бампера́, дизеля́*); наконец, в ряде случаев формы на -а характеризуют просторечие и находятся за пределами литературной нормы (например: *инженера́, выговорá* и др.) [Шведова (ред.) 1980: 497–498].

Во многих же южнорусских говорах (кроме юго-западных) окончание -а широко распространено не только у существительных муж. и ср. р., оно возможно и у существительных жен.р., преимущественно с основой на мягкий согласный: *деревня́, лошада́, матеря́, яблоня́* и др. [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 114; Касаткин (ред.) 2012: 136]. Таким образом, тенденция к преодолению остатков старых родовых различий во мн. ч. в этих говорах проведена более последовательно, чем в литературном языке¹.

¹ В ряде говоров, прежде всего в южнорусских, наблюдается утрата родовых различий и в Р.п. мн.ч.: флексия -ов распространяется на существительные жен. и ср. р. и становится в этой форме по сути единственным окончанием: *дело́в, место́в, озеро́в, ба́бов, сва́дьбов, ба́нев* и т. д. [Касаткин (ред.) 2012: 137].

2. Такой подход, при котором норма рассматривается как категория собственно лингвистическая, свойственная любой языковой системе (в том числе и диалектам), имеет в настоящее время достаточно широкое распространение, см. [Загоровская 2011]. Диалектная норма, в отличие от литературного стандарта, не культивируется; она развивается стихийно, характеризуется широтой и большей динамичностью и представляет собой «единство реализованных возможностей системы», формирующих ее в «нечто единое и самодовлеющее» [Оссовецкий 1982: 65–66].

Диалектная норма в изложенном выше понимании является важным фактором, определяющим целостность территориального диалекта и его системность: тот или иной языковой элемент может быть определен как часть системы только в контексте его узуального применения, с учетом статистики его конкретных употреблений в речи диалектоносителей. Таким образом, при описании диалектных систем на первый план выходит не соотношение «норма — узус» (как в литературном языке), а соотношение «узус (=норма) — система».

Впрочем, для русского литературного языка также «полезно различать <...> три сущности: систему, норму и узус» [Крысин 2017: 22–23]: языковая система постепенно воздействует на речевой узус, а норма уже обновляется через узуальные инновации. Примеры несовпадения системных возможностей, нормативных предписаний и речевой практики многочисленны и разнообразны. Например, с одной стороны, узуальные инновации, фиксирующиеся в акцентной парадигме глаголов непродуктивных классов в форме прошедшего времени, являются реализацией потенциальных возможностей языковой системы; с другой стороны, речевой узус предстает своеобразным ограничителем употребления тех или иных языковых единиц и не может претендовать на полную реализацию потенциала языковой системы. Иначе говоря, «в литературном языке не только понятие “узус” всегда шире понятия “норма”, но и возможности языковой системы всегда шире речевого узуса» [Савинов, Скачедубова, Сомова 2020: 28].

Для диалекта проблема соотношения узуса и языковой системы имеет важнейшее значение: определение параметров конкретной частной диалектной системы обязательно предполагает адекватную структурную интерпретацию конкретных речевых фактов, определение внутренней обусловленности и взаимосвязанности всех языковых элементов. Причем подобный анализ должен учитывать все элементы соответствующей системы (или подсистемы). Отсутствие комплексного исследования, описание лишь отдельных звеньев системы значительно снижают надежность полученных выводов, а полученный результат (описание гипотетической частной диалектной системы или ее части) может не соответствовать реальной картине, представленной в конкретном диалектном узусе.

Особенно остро проблема соотношения узуса и системы стоит при исследовании и описании систем ударного вокализма в архаических русских говорах, где сохраняется различие семи гласных фонем: отмечается четыре фонемы некрайних подъёмов /ъ/ и /е/, /ω/ и /о/. Структурная интерпретация конкретной архаической системы вокализма зачастую оказывается осложнена тем фактом, что в современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма

никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы <...>. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» [Панов (ред.) 1968: 189]. Язык конкретного говора «нельзя представлять себе как нечто однородное»: «в языковом отношении современная деревня характеризуется весьма глубокой языковой дифференциацией, большой пестротой» [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 23]. Эти подсистемы функционируют в одном языковом пространстве, связаны между собой и образуют в совокупности одну сложную частную диалектную систему.

Очевидно, что узус (норма) в этом случае конкретизируется в комплексе относительно равноправных вариантов. Соотношение между частотностью и дистрибуцией этих вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых. При этом ни один из членов соотносительной пары может не совпадать с литературной нормой: существование звуковых вариантов, которые воплощают одну и ту же языковую единицу, в ряде случаев обусловлено общим вектором языкового развития, имеющего диалектную специфику.

Так, не всегда можно однозначно интерпретировать разнообразие гласных образований на месте этимологических /ʎ/ и /ω/, /e/ и /o/, фиксируемых в различных диалектных системах. **Во-первых**, звуки [и̯е̯], [ɛ̯], [e̯] и [y̯o̯], [ɔ̯], [o̯] в соответствии с фонемами верхне-среднего подъема «могут быть соотнесены и с одной фонологической системой, где вокалическая вариативность может быть объяснена различиями во фразовых позициях, и с различными фонологическими системами — архаической и новой», где реализации /ʎ/ и /ω/ как [e̯] и [o̯] представляют новую систему, в то время как [и̯е̯], [ɛ̯], [y̯o̯], [ɔ̯] — «остатки архаических отношений, и должны быть рассмотрены в рамках более сложной, чем новая, системы вокализма» [Касаткина (ред.) 1991: 19–20].

В этом случае выявление звукотипов на месте фонем некрайних подъемов и их адекватная интерпретация могут производиться только на статистически значимом материале, собранном в разных возрастных группах, и учитывать качество реализаций всех фонем некрайних подъемов: не только /ʎ/ и /ω/, но также и /e/ и /o/. Подобный подход представлен, например, в исследовании Й. М. Ваахтеры [2009], описывающем вокализм говора д. Качалово Грязовецкого р-на Вологодской обл. Подробно изучив речь представителей различных возрастных групп, автор пришел к выводу, что в рассматриваемом говоре «наблюдается переход от шестифонемного вокализма гласных к пятифонемному <...>. В старом, вымершем пласте говора безо всяких сомнений различаются фонемы /ê/ и /e/<...>. В новом пласте говора отмечаются следы различения диафонем /ê/ и /e/, но они совпали в одной фонеме /e/» [Ваахтера 2009: 288].

Однако в большинстве диалектологических работ, включая исследования фонетической тематики, авторы, фиксируя особые реализации фонем верхне-среднего подъема, не обращают внимания на аллофоны /o/ и /e/. Подобный подход снижает достоверность общих фонологических построений авторов, приводит к ошибочным выводам относительно устройства вокалической системы в целом. Например, в звучащей хрестоматии «Вятские говоры» утверждается, что говору д. Южаки Верхнекамского р-на Кировской обл. «присущ семифонемный состав гласных». Фонема /ʁ/ перед твердыми согласными реализуется в гласном верхне-среднего подъема [ɛ], перед мягкими согласными — в гласном [и]; фонема /ω/ представлена гласным верхне-среднего подъема [ɔ] [Мошкина 1999: 92]. Однако комплексный анализ, проведенный Т. Н. Коробейниковой и основанный на статистически значимом материале, показал, что в местном говоре (во всяком случае в его инновативном варианте) отсутствует противопоставление /ω/ и /o/, /ʁ/ и /e/, а различные звукотипы, ранее представлявшие одну из этих фонем, в синхронной системе вокализма стали аллофонами новых “обобщенных” фонем /o/ и /e/; гласный [и], ранее реализовавший фонему /ʁ/ перед мягкими согласными, на современном этапе является репрезентантом фонемы /и/ [Коробейникова 2015: 310].

Во-вторых, широкое распространение в каком-либо говоре звукотипов [ɔ], [ɛ] или [ɔ], [ɛ] вовсе не доказывает наличия в нем семи гласных фонем: известны такие пятифонемные системы вокализма, для которых характерна локализация гласных, реализующих фонемы /o/ и /e/, в зонах верхне-среднего или средне-нижнего подъема [Высотский 1967: 72–74]. Подобная особенность отмечается в различных диалектных группах Северного [Касаткина (ред.) 1991: 174] и Южного [Касаткина (ред.) 1999: 137] наречий и нередко также становится источником неверной интерпретации фонологических отношений в звуковом строе говора.

В-третьих, иногда варианты, образующиеся на разных уровнях подъема, могут находиться в отношении свободного варьирования, что также препятствует трактовке подобной вокалической системы как семифонемной. Указанная особенность отмечена, например, в одном северо-западном говоре, где фонема /o/ может реализоваться целой гаммой различных гласных: [ɔ], [o], [ɔ] (значение F₁ у аллофонов /o/ варьирует от 390 до 700 Гц): *мол[ɔ]денька, помол[ɔ]же, поб[ɔ]льше, в восьм[ɔ]м, Ф[ɔ]кин, больш[ɔ]й* (м.р.), *выс[ɔ]кая, б[ɔ]льше, друг[ɔ]го, дом[ɔ]в, на Гд[ɔ]в, зав[ɔ]т, хорош[ɔ]; больш[ɔ]й* (м.р.), *гр[ɔ]б, г[ɔ]да, пятис[ɔ]тки, городск[ɔ]й* (м.р.), *круг[ɔ]м, друг[ɔ]й д[ɔ]м, как[ɔ]й г[ɔ]сть, в кард[ɔ]не, ваг[ɔ]н, телеф[ɔ]нка* ‘телефонный завод’, подробнее см. [Савинов 2013: 78–79]. Выбор конкретного звукотипа в описанной системе не обусловлен ни языковыми, ни социолингвистическими факторами, а использование вариантов невозможно каким-либо образом предсказать при тех или иных обстоятельствах. Только комплексный анализ дистрибуции элементов языковой структуры способен определить взаимосвязь между качеством «некрайних» гласных и их функциональной значимостью в вокалической системе конкретного идиома.

3. Противопоставление /ʁ/ ~ /e/, /ω/ ~ /o/ — оппозиция фонологическая, а потому оно должно обязательно *восприниматься* и достаточно последовательно

воспроизводиться. В реестр фонем может быть включен только стабильный элемент языковой системы, когда «предполагаемая фонема, будучи в составе определенных словоформ, в своей сильной позиции представлена звуком особого тембрального качества, отличного от реализации всех остальных фонем в тождественных позиционных условиях» [Высотский 1977: 38].

Следует отметить, что утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /о/ обычно происходит за счет постепенного распространения открывающихся дифтонгических образований на месте фонем /е/ и /о/, схожих с аллофонами фонем /ѣ/ и /ω/. Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы вокализма, сохраняющей лишь отдельные следы противопоставления /ѣ/~е/ и /ω/~о/. Непоследовательность в реализации этого противопоставления, а также слабый контраст между соответствующими звукотипами на разных ступенях утраты этого противопоставления делает проблематичным выделение в подобной системе фонематической оппозиции /ѣ/~е/ и /ω/ ~ /о/.

4. На четкость различения фонем /ѣ/ и /е/, /ω/ и /о/ может указывать доступность их восприятия не только для собирателей, но и для отдельных диалектоносителей, которые способны заметить особенности фонологической системы своего говора, а также говоров окрестных деревень и выявлять значимые структурные различия между ними. Иначе говоря, способны верно оценить соотношение речевого узуса и языковой системы. В качестве примера можно привести одного из наших информантов, родившегося в с. Крутое Старооскольского р-на Белгородской обл., но многие годы прожившего в с. Солдатское, расположенном всего в нескольких километрах от Крутого. Он обратил наше внимание на основное отличие между этими диалектными системами. По его словам, «в Солдатском говорят “мягко”: [к^оѣт], а в Крутом — “твёрдо”: [кот]». Дифтонгичность реализаций фонемы /ω/ в сочетании со значительной лабиализацией согласных перед ними, замеченные информантом в говоре Солдатского, прямо указывают на хорошо сохранившуюся архаическую систему ударного вокализма, которая отсутствует в говоре с. Крутое. Подобные примеры «имеют прямое отношение к восприятию носителями говоров языковых фактов на фонологическом уровне», а слова, иллюстрирующие характерные черты «своего» и «чужого» говоров, «приобретают вид как бы фонологических формул» [Высотский 1977: 14].

Об информантах «с тонким фонологическим слухом» уже не раз писали диалектологи. Так, в одном из говоров, где фонема /ѣ/ реализуется монофтонгом верхне-среднего подъема [ɛ], противопоставленным другим монофтонгам переднего ряда, реализующим фонемы /и/ и /е/, С.В. Бромлей записала следующий разговор с информантом — хозяйкой дома, где остановилась экспедиционная группа: «На ее замечание о том, что раньше труднее было учиться, что нужно было, например, знать, где писать ѣ и где е, я сказала, что ей было, вероятно, это не так трудно, так как в их деревне ѣ произносят не так как е, а по-особому. “Вот, например, вы ведь скажете не «веник», а «виник»” (это слово было несколько раз записано у нас с гласным и). — “Штой то вы как плóхо гъвор’йт’е, — услышали мы в ответ, — мы скажем в’ин’ик, а не в’ин’ик». На наш слух оба раза было воспроизведено почти

одинаковое звучание *и*, однако для нее эти звуки (*е* в первом случае и *и* — во втором) четко противопоставлялись» [Бромлей 1949: 29–30].

5. В приведенной цитате из работы С. В. Бромлей затронута еще одна важная проблема, связанная с изучением диалектного узуса и системы: проблема адекватного соотношения перцептивной базы собирателя, с одной стороны, и перцептивной базы диалектной системы — с другой. Под перцептивной базой обычно понимается языковая система средств восприятия звучания речи и единства «хранящихся в памяти человека эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними» [Джапаридзе 1985: 13]. Большое значение в понимании перцептивной базы языковой системы имеет определение набора ее перцептивных эталонов, а также правил сличения с ними эталонов другой языковой системы. При расхождении базовых перцептивных эталонов в родной и неродной языковых системах может происходить их неверное отождествление, что искажает восприятие звуковой организации изучаемого конкретного языкового идиома.

Очевидно, что описанный С. В. Бромлей говор, где фонема /*ѣ*/ реализуется монофтонгом верхне-среднего подъема [*е̞*], характеризуется более напряженной (чем в литературном языке) артикуляционной базой, что обуславливает сокращение зоны рассеивания между гласными: в подобной системе может различаться три монофтонга переднего ряда [*и*], [*е̞*] и [*е*], представляющих отдельные языковые единицы. В литературной системе с менее напряженной артикуляционной базой нет места третьей фонеме переднего ряда, реализующейся монофтонгом: именно поэтому для носителя русского литературного языка гласный верхне-среднего подъема [*е̞*] не является самостоятельным звукотипом, а входит в зону рассеивания фонемы /*и*/ и отождествляется со звукотипом [*и*], что приводит к ошибке при анализе соответствующего фрагмента диалектной системы.

Приведем другой пример. Инструментально-фонетическое изучение специфики диалектных различий в структуре «трапециоидов» гласных при semifонемной системе вокализма приводит к выводу, что основным типом semifонемного состава гласных в русских говорах должна быть признана система, для которой характерны, с одной стороны, симметричность реализаций гласных 3-й ступени подъема (то есть фонем /*ѣ*/ и /*ω*/), с другой — асимметричность гласных 2-й ступени подъема: аллофоны /*е*/ локализируются в зоне среднего уровня, аллофоны /*о*/ — в зоне средне-нижнего уровня [Высотский 1967: 77–78; Савинов 2013: 105–108].

Фонемы /*ѣ*/ и /*ω*/ могут параллельно реализоваться гласными верхне-среднего подъема [*е̞*], [*о̞*] (и восходящими дифтонгами [*йѣ*] и [*ѣо̞*]), однако большее артикуляционное пространство между основными аллофонами /*ω*/ и /*о*/ обуславливает возможность появления в соответствии с фонемой /*ω*/ звука [*о*], в этом случае асимметричность отношений распространяется на все «некрайние» гласные (см. схемы 1 и 2, знак в скобках на схеме 2 обозначает наличие в подобной системе факкультативного варианта у фонемы /*ω*/).

Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип [*о*] на месте /*о*/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем (по всей видимости, это

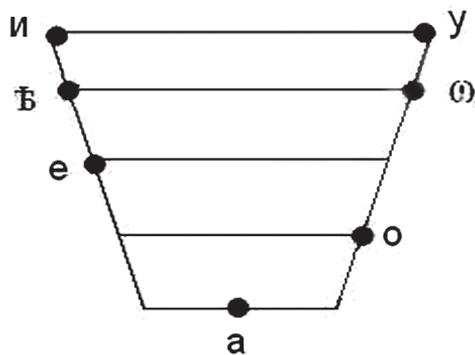

Схема 1

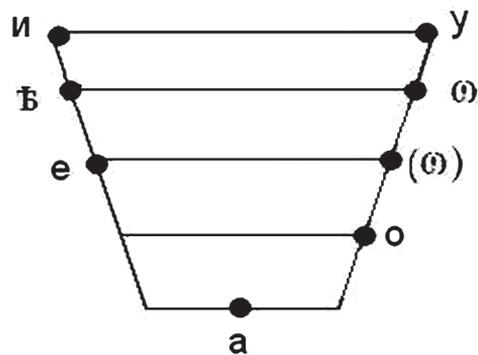

Схема 2

обусловлено особенностями исторического развития); однако гласный средне-нижнего подъема [ε] в соответствии с фонемой /e/ — довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма <...> обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма» [Высотский 1967: 79].

Семифонемные системы вокализма с несимметричной по высоте парой [e] и [ɔ] отмечены в говорах Вологодской, Воронежской, Белгородской, Кировской, Костромской, Липецкой, Тамбовской обл., подробнее см. [Савинов 2013:103, 105, 108–109], на распространенность этого типа вокализма в архаических южнорусских говорах указывает также С.В. Дьяченко [2021: 67]. Однако в большинстве диалектологических работ, описывающих вокализм архаических говоров с семифонемным вокализмом, не упоминается о существовании в этих диалектных системах особого звукотипа средне-нижнего подъема [ɔ]. По всей видимости, этот звукотип средне-нижнего подъема не был выявлен и интерпретирован как значимая структурная единица потому, что носителями литературного языка произношение [ɔ] не воспринимается как яркая диалектная черта: этот гласный «идентифицируется с [o] в отличие от [ɔ], воспринимаемого преимущественно как [y]» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 24]. Иначе говоря, происходит неверная идентификация двух перцептивных эталонов: литературного [o], реализующего «единую» фонему /o/, и диалектного [ɔ], представляющего фонему /o/ и противопоставленного монофтонгам [ɔ] и [o], которые реализуют в различных архаических системах фонему /ω/.

Следует также учитывать, что собиратели диалектных материалов зачастую просто забывали о необходимости «проверить звучание других лексико-грамматических примеров, где согласно истории языка можно было бы встретить [ɔ] (o открытое), заметно отличающееся от [o] в литературном произношении» [Высотский 1975: 4].

6. Для адекватного представления об устройстве диалектной системы конкретные узуальные употребления обязательно должны подвергаться инструментально-фонетическому анализу, что даст объективные характеристики исследуемых

фонетических единиц. Нужно понимать, что диалектная фонетическая система может обладать рядом структурных признаков, которые резко отличают ее от литературного языка, и для объективной характеристики этих признаков необходимо использовать инструментальные методы, предполагающие изучение фонетических явлений говоров как в акустическом, так и в артикуляционном аспекте.

Звуковой строй русских говоров инструментально-фонетическими методами до сих пор изучен недостаточно хорошо. По словам В. Н. Чекмонаса, несмотря на свою значимость «как для истории русского вокализма вообще, так и для истории аканья-яканья в особенности», инструментально-фонетические исследования С. С. Высотского, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной, представителей казанской школы (З. М. Альмухамедовой, Р. Э. Кульшариповой, Т. Г. Фоминой и др.), «остались на периферии русской диалектной фонетики (прежде всего потому, что они были полностью проигнорированы Р. И. Аванесовым и его учениками)» [Чекмонас 1998: 44–45].

Во многих работах фонетической направленности качество звуков речи, подвергающихся затем фонологической интерпретации, определяется только на основании слуховой оценки диалектного произношения, без возможности его многократного воспроизведения и проверки слуховых образов с помощью инструментального анализа. Это приводит к ошибкам в понимании устройства диалектных систем. Например, в говоре с. Истóбное Репьёвского района Воронежской области, обследованном в 1950-х гг. по программе Диалектологического атласа русского языка, собиратели материалов (преподаватели, аспиранты и студенты воронежских вузов) не смогли «распознать архаическое аканье, поскольку вокализм предупредительного слога (и ударного слога в говорах с различием верхне-средних и средних гласных) сложен для восприятия, особенно для неподготовленного собирателя материалов» [Дьяченко 2021: 24]. Иначе говоря, для адекватного описания данного фрагмента диалектной языковой системы необходимо комплексное инструментальное исследование ударного и безударного вокализма, а также адекватное выявление перцептивной базы говора, в которой дифтогичность основных реализаций /ъ/ и /ω/ должна трактоваться как значимый системный признак, который противопоставляет фонемы /ъ/ и /ω/ фонемам /е/ и /о/, реализующимся исключительно монофтонгами (в отличие от системы литературного языка, где дифтонгоидность аллофонов /е/ и /о/ не является конститутивным признаком).

7. Таким образом, для целенаправленного сбора и анализа диалектного материала, для корректного выявления в речевом узусе языковых структурных элементов участникам диалектологических экспедиций необходима специальная комплексная подготовка, предусматривающая обучение инструментальным и лингвистическим методам анализа устной речи, а также включающая овладение методикой сбора языкового материала. Отсутствие подобной подготовки приводит к тому, что для многих диалектологов, в том числе для сотрудников профильных кафедр вузов, оказывается «непосильным задание точного выявления в изучаемых говорах фонемного состава гласных» [Высотский 1975: 4].

В результате участники диалектологических экспедиций, даже имея в своем распоряжении опубликованные диалектологические описания, указывающие

на то, что какому-то конкретному говору в прошлом был присущ семифонемный вокализм с системой дифтонгов, оказываются не в состоянии услышать дифтонги, а также другие характерные сопутствующие фонетические особенности, например, отсутствие смягчения согласных перед некоторыми гласными переднего ряда. Иначе говоря, диалектологи оказываются не в состоянии верно интерпретировать ключевые элементы частной фонетической системы говора, проявляющиеся в разговорном узусе информантов.

Так, Д. В. Бубрих, исследовавший в 1912 г. говор с. Пустоша Судогодского уезда Владимирской губернии², обнаружил здесь дифтонги [iê] на месте ъ, [iû] на месте ѳ, а также [iâ], [iô], [iû] [Бубрих 1913: 312–317]. Позднее, в 1948 г., этот говор обследовала диалектологическая экспедиция МОПИ. В результате анализа местного речевого узуса было установлено, что на месте ъ «под ударением перед твердыми согласными сейчас закономерно произносится закрытое “е” (ê), а иногда “и”», в этой позиции собирателями не было зарегистрировано «ни одного случая произношения дифтонга»; в позиции перед мягкими согласными «у одних и тех же лиц наблюдали двойное произношение: и “и” и дифтонг “ie”». Дифтонги «уо, iа, iо, iу исчезли не только в произношении передовой части колхозников, но мы их не слышали и в устах носителей архаического говора». Автор статьи делает вывод: говор Пустошей за 36 лет, прошедших с момента его обследования Д. В. Бубрихом, претерпел значительные структурные изменения [Бедняков 1957: 362–365].

Однако новое обследование, проведенное сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 1990–2000 гг., выявило, что в говоре Пустошей стабильно сохраняются дифтонги, описанные Д. В. Бубрихом; при этом здесь также отмечается твердость согласных перед гласными переднего ряда [Тер-Аванесова 2001: 150–152].

Очевидно, что участники экспедиции 1948 г. просто не смогли опознать соответствующие звуки как дифтонги, а также не услышали перед ними твердых согласных. Без сформированности основ фонематического восприятия перцептивных эталонов иных языковых систем затруднителен или просто невозможен их адекватный звуковой анализ, предполагающий опознание, вычленение в речи значимых элементов этих систем. Слуховое восприятие «чужих» элементов всегда корректируется навыками фонологической системы родного языка, под влиянием которой происходит и их системная интерпретация. Особенно остро эта проблема встает при исследовании близкородственных (но не идентичных) идиомов.

Так, носители литературного языка системно различают твердые и мягкие согласные, ориентируясь не на качество согласного звука — аллофона соответствующей твердой или мягкой фонемы, а на качество следующего за ним гласного, который после мягкого согласного всегда начинается с *и*-образной фазы, что подтверждается и перцептивными экспериментами [Бондарко 1977: 119].

² По современному административно-территориальному делению село относится к Шатурскому р-ну Московской обл.

Возможно, этот стереотип сработал и у участников экспедиции 1948 г.: сочетания «твердый согласный + дифтонг с начальной *и*-образной фазой» были восприняты как сочетания «мягкий согласный + монофтонг» (точнее, дифтонгоид с переходным *и*-образным элементом, как в русском литературном языке). В результате соответствующий фрагмент системы говора был интерпретирован неверно³.

Распределение аллофонов фонемы /ѣ/ в зависимости от твердости–мягкости следующего согласного, зафиксированное в Пустошах в 1948 г. и описанное в [Бедняков 1957: 362–363] ([ѣ] перед твердыми согласными и [иѣ] перед мягкими), выглядит, по словам С. С. Высотского, фактически нереальным [Высотский 1977: 23]. Р. И. Аванесов также указывал на то, что в русском литературном языке «после мягкого согласного перед мягким согласным гласный [е] произносится однородно на всем протяжении своей длительности и притом с более энергичным и высоким поднятием языка» [Аванесов 1984: 57].

8. Наконец, существует еще одна проблема, связанная с описанием систем ударного вокализма в русских говорах: наличие в них различных способов организации фонетического слова. Так, для севернорусского наречия характерна меньшая, чем для других русских говоров и для русского литературного языка, степень интегрированности слогов в единое фонетическое слово: двуступенчатость редукции безударных гласных в этих говорах выражена слабо, а сами безударные гласные «могут незначительно отличаться от ударного гласного» [Касаткин (ред.) 2012: 25]. Слова произносятся «как бы по слогам», которые оказываются относительно независимыми друг от друга. Такой тип организации слова обычно называют «рубленной речью» или «стаккато».

Для южнорусских говоров характерна совершенно другая модель: здесь ярко выражена двуступенчатость редукции, распространена тенденция к выделению акцентного ядра и все гласные фонетического слова «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога» [Калнынь 2001: 26].

Особенно ярко эта связь проявляется в говорах, характеризующихся диссимилятивными системами вокализма. Основной принцип строения фонетического слова в этих говорах заключается в следующем: в 1-м предударном слоге происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, то есть наблюдается закономерная цикличность в организации звуковой последовательности, а ритмическая структура может быть представлена двумя моделями, находящимися между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В наиболее архаическом варианте они представлены следующими схемами: 2–1–2–3–2–1, где 3 обозначает ударные гласные верхнего и верхне-среднего подъёмов, и 1–2–1–3–1–2, где 3 обозначает ударные гласные среднего и нижнего подъёмов.

³ Различные фонологические интерпретации подобной системы с твердыми согласными перед дифтонгами [иѣ], [иѓ], [иу] или [ѣа], [ѣѓ], [ѣу] см. [Касаткин 1999: 388–389; Касаткин (ред.) 2012: 32; Тер-Аванесова 2001: 152].

На приведенных схемах видно, что диссимилятивная зависимость наблюдается не только у гласных акцентного ядра слова, но затрагивает весь его вокальный каркас. Сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции гласных до нуля⁴, особенно редко диереза гласных встречается в предударных слогах.

Подобные различия в организации фонетического слова обуславливают особенности алгоритма описания соответствующих вокалических систем в целом. Если в севернорусском наречии возможен отдельный анализ системы ударного / предупредительного / заударного вокализма, то адекватное описание южнорусского вокализма предполагает комплексное исследование узуальных реализаций всех взаимозависимых вокальных компонентов слова.

9. Итак, диалектная языковая норма должна пониматься как статистически доминирующий речевой узус, как конкретная реализация в говоре структурных возможностей языковой системы. Норме, проявляющейся в диалектном узусе, присуща известная устойчивость, стабильность как основа функционирования всей системы. Этот консерватизм диалектных систем способствует сохранению в них ряда реликтовых черт. Однако язык как явление социальное находится в постоянном движении. Поскольку диалектный узус не ограничен рамками строгих норм и правил, то потенциальные возможности, заложенные в языковой системе, активно проявляются в говорах через узуальные инновации, через появление новых вариантов в речи диалектоносителей, что обычно обуславливает языковые различия возрастных социолектов. Язык старшего поколения всегда отличается от языка среднего поколения и тем более от языка молодежи, при этом данные подсистемы «функционируют в одном языковом пространстве, временном и территориальном <...>, они образуют одну сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [Касаткин 2017: 14]. Соответственно, и норма реализуется в частной диалектной системе относительно равноправными вариантами на всех языковых уровнях.

Основная задача при описании частной диалектной системы — вычленив из разговорного узуса ее ключевые языковые элементы, дать адекватную структурную характеристику всем существующим вариантам. Как было показано в статье, это нелегкая исследовательская задача. И дело здесь не только в том, что отношения между вариантами нормы могут быть сложны и многообразны, а их появление зависит от различных лингвистических и экстралингвистических причин. Для фонемной интерпретации звуков, отмеченных в узусе частной диалектной системы, необходимо использование инструментально-фонетических методов, которые помогут дать объективную характеристику звуков речи, а также выявить их

⁴ Как верно заметил Л. Л. Касаткин, обозначение «рассматриваемого явления как “редукции гласных до нуля” характеризует лишь часть примеров. В значительном числе случаев отсутствие гласного компенсируется другими фонетическими характеристиками слова <...>. Диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов» [Касаткин 2017: 324].

значимые признаки и определить место конкретного звука в структуре языка. Необходимо всегда помнить, что соотношение основных аллофонов фонем может иметь диалектную специфику и не совпадать с соответствующим фрагментом литературной системы, а также отличаться от «классических» образцов, описанных в учебных пособиях по диалектологии.

Очевидно, что подготовка к диалектологической экспедиции обязательно должна учитывать некоторые методики, принятые при обучении иностранному языку, в частности необходимо изучить на конкретных образцах типологию фонетических диалектных различий, а также механизмы восприятия ряда диалектных звукотипов (в аспекте интерференции с перцептивной базой собирателей, говорящих на литературном языке). В качестве удачного примера подобного учебного пособия для диалектологов можно привести звучащую хрестоматию «Севернорусские говоры», где в приложении дан корпус звуковых эталонов, который включает в том числе ударные гласные, «характерные для севернорусских говоров и отличающиеся от “стандартных”, то есть свойственных литературному языку» [Касаткина (ред.) 1991: 242].

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 384 с.

Аванесов, Орлова (ред.) 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 306 с.

Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань: из-во Казанского ун-та, 1980. 112 с.

Бедняков А. С. О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустошей // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. XLVIII. Труды кафедры русского языка, вып. 4. М., 1957. С. 359–367.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бромлей С. В. Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 5. М.—Л.: из-во Академии наук СССР, 1949. С. 22–51.

Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ.) // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 4. СПб., 1914. С. 305–346.

Ваахтера Й. М. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области [Slavica Helsingiensia 37]. Helsinki, 2009. 323 с.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно: пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 239 с.

Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5–82.

Высотский С. С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры / Отв. ред. Е. В. Немченко. М.: Наука, 1975. С. 3–19.

Высотский С. С. Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С. С. Высотский. М.: Наука, 1977. С. 3–52.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок / Сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.

Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси: Мецниераба, 1985. 117 с.

Дьяченко С. В. Инструментально-фонетическое исследование вокализма южнорусского говора в ареальном контексте. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 196 с.

Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж: Научная книга, 2011. 383 с.

Калынь Л. Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001. 132 с.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука — Школа «Языки русской культуры», 1999. 526 с.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. II. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 752 с.

Касаткин (ред.) 2012 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 301 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2014. 272 с.

Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина [Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва — Бохум, 1991. 245 с.

Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999. 207 с.

Коробейникова Т. Н. Эволюция системы ударного вокализма в свете синхронных данных (на материале кайского говора Верхнекамского района Кировской области). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 389 с.

Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.

Лихтман Р. И. О фонеме <у> в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 1999. С. 121–132.

Мошкина Е. Н. Вятские говоры. Звучащая хрестоматия [Приложение № 8 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Вятка — Бохум, 1999. 110 с.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 200 с.

Панов (ред.) 1968 — Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 212 с.

Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2013. 378 с.

Савинов Д. М., Скачедубова Е. С., Сомова А. Е. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени // Русск. яз. в науч. освещении. 2020. № 2. С. 11–32.

Скачедубова Е. С. Сюрпризы нейтрализации гласных в современном русском литературном языке // Русская речь. 2019. № 4. С. 21–29.

Тер-Аванесова А. В. Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. № 2. С. 150–167.

Чекмонас В. Н. Судьбы фонетических открытий О. Брока в контексте истории славянской диалектологии, фонетики и фонологии // A Centenary of Slavic Studies in Norway: The Olaf Broch Symposium. Papers / Ed. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen. Oslo: Det Norske Videnskaps-Akademi, 1998. С. 36–61.

Шведова (ред.) 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

Шмелев А. Д. Норма языковая // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. А. М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 398–400.

Шульга М. В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индик, 2017. 256 с.

Dmitry M. Savinov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

crillon@yandex.ru

NORM-USUS-SYSTEM IN THE RUSSIAN DIALECT LANGUAGE

The article is devoted to the consideration of the concepts of “norm”, “usus” and “system” in the Russian dialect language. The article shows that in dialects, the usage, which is a set of real uses of the language, is essentially equal to the norm. The dialect norm represents the unity of the realized capabilities of the system and is an important factor determining the integrity of the territorial dialect and its consistency: a particular language element can be defined as part of the system only in the context of its usual application, taking into account the statistics of its specific uses in the speech of dialect speakers. Thus, when describing dialect systems, it is not the ratio “norm — usus” (as in a literary language) that comes to the fore, but the ratio “usus (=norm) — system”. Determining the parameters of a particular particular dialect system necessarily implies an adequate structural interpretation of specific speech facts, determining the internal conditionality and interconnectedness of all language elements.

Key words: norm, usus, system, dialect language, vocalism

References

Avanesov R. I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie [Russian literary pronunciation]. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 384 s.

Avanesov R. I., Orlova V. G. (ed.). Russkaia dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow: Nauka, 1964. 306 p.

Al'mukhamedova Z. M., Kul'sharipova R. E. Reduktsiya glasnykh i prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh [Vowel reduction and word prosody in the Russian dialects with okaye]. Kazan: Kazan State Univ., 1980. 112 p.

Bednyakov A. S. About some phonetic features in the dialect of Pustosha. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*. Vol. XLVIII. Trudy kafedry russkogo yazyka, 4. Moscow, 1957. Pp. 359–367.

Bondarko L. V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo yazyka [The sound system of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1977. 175 p.

Bubrikh D. V. Phonetic features of the dialect of the village of Pustosha (Yagodinskaya volost' of Sudogodsky uyezd of Vladimir province). *Izvestiya ORYAS*. 1913. Vol. XVIII. Book 4. St. Petersburg, 1914. Pp. 305–346. (In Russ.).

Bromlei S. V. Observations on the stressed vowels in collecting content for the “Program”. *Bjulleten' dialektologicheskogo sektora Instituta russkogo jazyka*. Vol. 5. Moscow, 1949, pp. 22–51. (In Russ.).

Chekman V. N. The fate of O. Brok's phonetic discoveries in the context of the history of Slavic dialectology, phonetics and phonology. *A Centenary of Slavic Studies in Norway: The Olaf Broch Symposium. Papers*. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen (ed.). Oslo: Det Norske Videnskaps-Akademi, 1998. Pp. 36–61. (In Russ.).

Dzhaparidze Z. N. Perceptivnaya fonetika [Perceptual phonetics]. Tbilisi: Mecniera-ba, 1985. 117 p.

D'yachenko S. V. Instrumental'no-foneticheskoe issledovanie vokalizma yuzh-norusskogo govora v areal'nom kontekste. Kand. diss. [Instrumental-phonetic study of the vocalism of the South Russian dialect in the areal context. Kand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2021. 196 p.

Gavranek B. The tasks of the literary language and its culture. *Prazhskij lingvisticheskiy kruzhek*. N. A. Kondrashov (ed). Moscow: Progress, 1967. Pp. 338–377. (In Russ.).

Kalnyn' L. E. Foneticheskaya programma slova kak prostranstvo foneticheskikh izmenenij v slavyanskih dialektah [The phonetic program of the word as a framework for phonetic changes in the Slavic dialects]. Moscow, 2001. 132 p.

Kasatkin L. L. Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1999. 526 p.

Kasatkin L. L. Izbrannye trudy. T. II. [Selected works. Vol. II]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK, 2017. 752 p.

Kasatkin L. L. (ed.). Russkaia dialektologija [Russian dialectology]. Moscow: AST-PRESS, 2012. 301 p.

Kasatkin L. L. Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Akademiya, 2014. 272 p.

Kasatkina R. F. (ed.). Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 1: Severnorusskie govory [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part I: Northern Russian dialects]. Moscow; Bohum, 1991. 245 p.

Kasatkina R. F. (ed.). Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 2: Yuzhnorusskoe narechie [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part 2: Southern Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1999. 207 p.

Korobejnikova T. N. Evolyutsiya sistemy udarnogo vokalizma v svete sinkhronnykh dannyx (na material kaiskogo govora Verkhnekamskogo raiona Kirovskoi oblasti) [The evolution of the stressed vowel system from a synchronic perspective (in a Kaj dialect, Kirov Region, North-East of European Russia)]. Kand. diss. [Cand. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2015. 389 p.

Krysin L. P. To the correlation of the language system, its norms and usage. *Communication Studies*. No. 2 (12). Pp. 20–31. (in Russ.).

Likhtman R. I. About phoneme <u> in the modern Russian literary language. *Issues in phonetics*. III. R. F. Kasatkina (ed.). Moscow: Nauka, 1999. Pp. 121–132. (In Russ.).

Moshkina E. N. Vyatskie govory. Zvuchashchaya khrestomatiya [Dialects of Vyatka region. Sounding anthology]. Moscow; Bohum, 1999. 110 p.

Ossoveckij I. A. Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov [Vocabulary of the modern traditional Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1982. 200 p.

Panov M. V. (ed.). Russkii yazyk I sovetskoe obshchestvo. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory [The Russian language and the Soviet society. Phonetics of Modern Literary Russian. Traditional dialects]. Moscow: Nauka, 1968. 212p.

Savinov D. M. Evolyutsiya system vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh. Dokt. diss. [The evolution of vowel systems in South Russian dialects. Doct. diss.] Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2013. 378 p.

Savinov D. M., Skachedubova E. S., Somova A. E. Active processes in the prosodic system of the Russian language: Accentuation of past verbs. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2020. No. 2. Pp. 11–32. (In Russ.).

Shmelev A. D. The language norm. *Russlij jazyk: Enciklopediya*. A. M. Moldovan (ed.). Moscow: AST-PRESS SHKOLA, 2020. Pp. 398–400. (In Russ.).

Shul'ga M. V. Grammaticheskie oppozicii v istorii morfologii imeni [The grammatical oppositions in the history of the morphology of the name]. Moscow: Indrik, 2017. 256 p.

Shvedova N. J. U. (ed.). Russkaia grammatika. T. 1 [Russian grammar. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1980. 783 p.

Skachedubova E. S. Irregularities of Vowel Neutralization in the modern Russian literary language. *Russkaya Rech'*. 2019. No. 4. Pp. 21–29. (In Russ.).

Ter-Avanesova A. V. Materials on the accentuation of the village dialect Pustosha (masculine nouns). *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 2001. No. 1 (3). Pp. 150–167. (In Russ.).

Vaahtera J. M. Evolyuciya sistemy glasnyh fonem v nekotoryh russkih govorah Vologodskoj oblasti [The evolution of the vowel phoneme system in some Russian dialects of the Vologda region]. *Slavica Helsingiensia* 37. Helsinki, 2009. 323 p.

Verbickaya L. A. Davajte govorit' pravil'no: posobie po russkomu yazyku [Let's speak correctly: manual on the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 2001. 239 p.

Vysotskii S. S. Determination of vowel phonemes inventory in connection with sound quality in Northern Russian dialects. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov*. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 5–82. (In Russ.).

Vysotsky S. S. On the problem of studying the vocalism of South Russian dialects. *Russkie govory*. E. V. Nemchenko (ed.). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 3–19. (In Russ.).

Vysotskii S. S. Phonemic structure of words as a basis for the study of dialect sound structure. *Jeksperimental'no-foneticheskie issledovanija v oblasti russkoj dialektologii*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 3–52. (In Russ.).

Zagorovskaya O. V. Problemy obshchej i dialektnoj semasiologii i leksikografii [Problems of general and dialect semasiology and lexicography]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2011. 383 p.